

UDC 93

Interior Life of Kiev Cryptos (1941–1943)

Nikolai A. Slobodyanyuk

Dnepropetrovsk National University of Railway Transport, Ukraine
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: nikslobo@gmail.com

Abstract. The article, using well-known and newly published archive data, considers interior life of Soviet cryptos in Kiev. Special attention is attached to cryptos' daily routine, their personal relationship, moral environment in different groups and underground as a whole, struggle against invaders, fate of certain participants and organizations.

Keywords: Kiev; invasion; underground; Resistance movement.

Введение. Целью данной работы является исследование на основе антропологического подхода малоизвестных и малоизученных аспектов истории советского антифашистского подполья города Киева в 1941–1943 гг., отображение не столько истории киевского подполья, сколько истории киевских подпольщиков. Особое внимание уделяется повседневной жизни подпольщиков, их личным взаимоотношениям, моральному климату внутри разных групп и подполья в целом, условиям борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников и организаций. В попытке свести к минимуму влияние авторской позиции на ход изложения, а также помочь читателю окунуться в атмосферу того времени, в работе широко используется прямая речь документов.

Материалы и методы. Основной массив использованных в работе источников – это документы советского происхождения о партизанской и подпольной деятельности периода немецкой оккупации из Государственного архива Киевской области. В частности в фонде П-4 «Киевский горком Коммунистической партии Украины» собраны следующие материалы: справки о результатах партийной проверки деятельности подпольных горкома и райкомов КП(б)У; протоколы заседаний партийных бюро об утверждении отчетов и сами отчеты подпольных горкома, райкомов, отдельных организаций; протоколы заседаний Киевского подпольного горкома; отчеты о собственной деятельности подпольного горкома; цифровые данные Киевского горкома КП(б)У о боевой деятельности и о личном составе подпольных организаций.

Не меньшее количество использованных в работе материалов содержит Центральный государственный архив общественных организаций Украины. В фонде 1 «Центральный комитет Коммунистической партии Украины» особого внимания заслуживают обзор трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов о мероприятиях германских властей на оккупированной территории СССР Главного разведывательного управления Красной Армии; инструкции ЦК КП(б)У для подпольных партработников по работе на оккупированной территории; материалы Украинского штаба партизанского движения о состоянии партийного подполья Киева; донесения и письма подпольщиков и разведчиков на «Большую землю»; стенограммы опросов участников подполья и свидетелей подпольной деятельности; индивидуальные отчеты подпольщиков; материалы НКГБ УССР по расследованию причин провалов партийного подполья в Киеве и областях УССР и разоблаченной немецкой агентуре и др. Также в ходе исследования использованы стенограммы бесед с участниками советского подполья из фонда 166 «Комиссия по истории Великой Отечественной войны при Академии наук УССР».

Фонд 7 «Центральный комитет ЛКСМ Украины» содержит отчеты комсомольцев о подпольной работе, а также доклады комсомольцев вышестоящим органам о положении на оккупированной территории. Важным источником стали протоколы допросов причастных к подполью лиц в рамках расследования органами НКГБ УССР деятельности предателей и лжеподпольных организаций и групп из 5-го фонда «Архивно-следственные дела» Государственного архива Службы безопасности Украины.

Также в работе использованы некоторые документы немецкого происхождения. К ним, в первую очередь, относятся «Донесения с оккупированных восточных территорий» шефа полиции безопасности и СД (Центральный государственный архив общественных организаций Украины, фонд 57 «Коллекция документов по истории Коммунистической партии Украины»). Сравнительный анализ изложения фактов с двух точек зрения, советской и немецкой, дает возможность восстановить более объективную картину событий, сравнить оценки и акценты освещения этих событий в документах разного происхождения.

В работе использован историко-сравнительный метод, который предполагает сопоставление одних событий и фактов с другими, сравнение разных документальных источников. Метод проблемной хронологизации позволил выделить в теме исследования круг более узких проблем и осветить их в хронологической последовательности.

Результаты. В первые месяцы немецкой оккупации настроение большинства членов коммунистической партии оставляло желать лучшего. По мнению подпольщика П. Щербакова, одна часть большевиков сделала вывод, что советская власть больше не вернется и, поэтому, легализовалась и стала приспосабливаться к существующему положению вещей. Другая часть, опасаясь доносов и репрессий со стороны немцев за членство в ВКП(б), меняла место жительства, маскировалась и «отсиживалась». Третья часть заняла выжидательную позицию, чтобы впоследствии примкнуть к более сильной стороне [1]. И лишь небольшая часть коммунистов и комсомольцев приняла участие в активной борьбе с врагом.

Невероятно трудной задачей руководителей подпольных организаций и групп являлось поддержание конспирации и дисциплины, без которых выживание подполья практически сводилось к нулю. Им постоянно приходилось сталкиваться с нарушением правил конспирации, недобросовестным выполнением заданий, пассивностью и прямым неподчинением, соперничеством и самовольством со стороны подчиненных, личными конфликтами, сплетнями, заговорами, пьянством, распутством, воровством и присваиванием материальных ценностей. Нередко именно личная неприязнь и моральная несостоятельность как руководителей, так и рядовых членов подполья приводила к расконспирации организаций, дезертирству и предательству.

Ошибки при подборе кадров в подполье, неожиданно свирепые репрессии немцев, общая атмосфера растерянности и страха на фоне поражений Красной Армии привели к проявлениям пассивности, малодушия и даже предательства в подпольной среде. Например, хозяин конспиративной квартиры на Александровской Слободке М. Григорук по адресу ул. Петровская 21 б, где скрывался секретарь запасного горкома С. Бруз, отказался держать его на квартире [2].

Некоторые киевляне отказывались помогать подполью из-за страха за своих близких. По всей видимости, именно так обстояло дело, когда жена Николая Артюшенко спустила в унитаз несколько килограммов тола, предназначенного для взрыва водокачки [3]. Другие же, наоборот, излишне привлекали своих родственников к нелегальной деятельности. Так, в некоторые подпольные группы организации Г. К. Голеца новые члены привлекались из числа родных (мужья, жены, сестры, братья). Слишком большое количество родственников приводило к принятию ошибочных решений, продиктованных не долгом перед Родиной, а родственными связями. Например, к группе Пономаренко-Грищенко относилась семья Мочульских. Члены группы знали, что Жора Мочульский – ненадежный человек, имеет связи с женщинами легкого поведения и что это может привести к провалу группы. К сожалению, соратники ограничились разговорами с Мочульским, жалея его жену и детей. В конце концов, Мочульский был арестован и выдал участников своей группы [4].

На примере подполья Железнодорожного района столицы можно оценить обстановку, царившую в первые месяцы оккупации среди людей, оставленных для подпольной работы. Начало арестов и расстрелов «вызвало в среде неустойчивых людей... стремление сдаться, с тем, чтобы только сохранить свою жизнь. Некоторые поддались угрозам гитлеровских бандитов и отказались от работы. Иванов, Диденко на предложение т. Пироговского вести работу ответили категорическим отказом, а Чернота (б. председатель райпрофсожа), поработав месяцев 1,5-2 бросил организацию и выехал из Киева» [5].

Жена руководителя подпольщиков в Железнодорожном районе города Надежда Пироговская вспоминала, что человеческие и деловые качества многих из тех, кто оставался в

подполье, были далеки от идеала: «Как-то в выходной день я была дома. К нему приходили люди, в том числе Мироничев. О чем-то они долго говорили, потом те ушли. Он вышел уставший, недовольный, расстроенный. Я спросила – чем ты недоволен, или что случилось. Он с такой досадой сказал: «Лодырей у нас много, работать не хотят»... А потом такой случай был. Ярая зная, что мы все очень тяжело живем, предложила для подпольных работников свою молодую корову. Муж еще не знал куда ее деть и как лучше использовать. А кто-то из работников пошел к Ярой за этой коровой. Так муж пошел к Ярой и предупредил, чтобы она корову никому без него не давала. Он якобы сказал Ярой, что... он ее отдаст тому кто работает» [6]. Активную работу разворачивают лишь немногие. Среди них, В. Кудряшов и сам А. Пироговский.

Постоянным спутником некоторых подпольных организаций Киева, включая горком, стали пьянство, половая распущенность и безалаберность. Если в подпольную среду проникало моральное разложение, то оно приводило к внутренним конфликтам, ослаблению дисциплины, расконспирации, провалам и гибели многих людей. По данным НКГБ УССР, «члены бюро подпольного горкома КП(б)У Петрушко... Рябошапка, Смагин и др. конкретных указаний не давали, людьми не руководили, разложились в быту и занимались пьянством. На почве пьянства, бытового разложения, разбазаривания не по назначению средств и продуктов питания между членами организации происходили ссоры» [7].

Александра Герасимова, в своих показаниях рисует общую картину взаимоотношений между мужчинами и женщинами в киевском подполье весной-летом 1943 года: «особенно за последнее время наши ребята стали здорово пить... Ваня приходил и говорил – народ распустился. Вообще в организации появилось очень много женщин... которые плохо ведут себя. Деньги достают для организации, а их пропивают. В частности Соня Лавриненко сошлась с Печерским и в одной из пьянок приревновала его к одной связной. Был целый скандал по этому поводу и Соня решила отравить Печерского. Пятницкий говорил, что они не знают, что делать с Соней Лавриненко, очевидно, ее придется пустить в расход. В организации начался провал за провалом. Девушки сильно пьянствовали, начались скандалы. Несколько раз дело доходило до того, что чуть ли не вся организация должна была провалиться... я видела Геннадия и он сказал мне, что он идет в Знаменку и берет с собой Соню для того, чтобы убрать ее, потому что она хочет на почве ревности выдать его. Потом я узнала, что Геннадий якобы застрелил Соню» [8].

Несколько предательств в киевском подполье произошли именно на почве личной неприязни и конфликтов. Среди них следует назвать Дмитрия Благова из подпольной организации Г. Голеца, который стал пить и хулиганить, проболтался посторонним людям, что является подпольщиком, проявлял неподчинение руководителю группы. Неоднократные уговоры, беседы, попытки отправить Благова из Киева в партизанский отряд оказались безуспешными. Во время последнего разговора с Благовым ему пригрозили расстрелом, что, видимо, и подтолкнуло его к измене [9].

Если в случае с Д. Благовым одной из причин предательства было нежелание придерживаться дисциплины, то в случае с неким Шевченко, такой причиной стали деньги. Когда Иван Пятницкий потребовал от него 10 тыс. рублей для выкупа арестованных подпольщиков, то Шевченко был этим крайне возмущен и сказал, что это не организация, а банда, и от него требуют невозможного [10]. Связная горкома Вера Аристархова заявила, что «если будете с меня требовать работу, я работать не буду и заявлю в гестапо». Секретарь горкома К. Ивкин решил с ней поговорить, но этот разговор стал роковым для него и всей организации. В. Аристархова стала предателем [11].

Пребывание на нелегальном положении, факты предательства, поражения и репрессии способствовали распространению среди подпольщиков состояния взаимного недоверия и подозрительности. Например, после очередных арестов, руководитель одной из подпольных организаций Ленинского района Г. Голец был несправедливо заподозрен в измене. Командир партизанского отряда И.А. Хитриченко, с которым активно сотрудничал Голец, отдал тайный приказ о расстреле Голеца. Лишь случайность, правильное поведение и выдержка Голеца помогли ему избежать нелепой смерти [12]. Примечательно, что сам Хитриченко в 1944 г. был осужден Особым совещанием «за подозрительные связи с немецкими карательными органами». Оправдаться Ивану Александровичу не помогли даже его заверения, что в октябре-декабре 1942 г. будучи полицаем, а потом комендантом лагеря военнопленных, он

работал по заданию Николая Сороки, занимавшегося освобождением военнопленных и формированием из них партизанских резервов [13].

Когда случайно были задержаны и посажены в лагерь для военнопленных И. Кудря и Г. Дудкин, связная Кудри Мария Груздова просила оставшихся на свободе диверсантов НКВД помочь товарищам. Но те, по ее свидетельству, отказались: «...наши товарищи, с которыми я была связана, проявили себя очень плохо в отношении того, чтобы помочь выручить Ивана Даниловича. Особенно жутко проявил себя Соболев, который был связан с группой Коваленко. Соболев сильно струсил и совершенно отказался от помощи Кудре. Он даже отказался от совета. Ведь я была малоопытным человеком, а у людей, которые долго работали на следственной работе в органах, было больше опыта... Но я со всей ответственностью заявляю, что как Коваленко, так и Соболев жутко себя проявили. Они сразу отказались от Кудри, заявив, что они его знать не знают... Они мне сказали, что ничем помочь не могут, а если я хочу идти к Кудре, то что ж, могу подставить свою голову» [14]. Сама же Груздова, находясь под угрозой ареста, благодаря своей смелости, настойчивости и находчивости смогла расположить к себе немецких офицеров и вызволить руководителя из лагеря.

Когда была расконспирирована сама М. Груздова и стала остро нуждаться в жилье, деньгах и надежных документах, то Д. Соболев так же безжалостно отнесся и к ней. Вот, что она сообщила после перехода через линию фронта: «Около двух лет я работала, не считаясь ни со здоровьем, ни с семьей, работала честно и не было ни единого случая, чтобы я старалась себя сберечь в ущерб общему делу... И вот, когда случилась эта история с Кондратюком [арест И. Кудри – Авт.], то Соболев начал усиленно меня гнать из Киева. Что он мне говорил? Знаешь, ты для нас опасна, ты нам сейчас не нужна. Я ему на это отвечала: «Позвольте, Митя, ведь то, что Вы говорите – это значит просто пойти и отдаться им [гестаповцам – Авт.] в руки»... Соболеву хорошо был известен тот контроль, который организовывали немцы на дорогах. Как можно было идти без единого документа? Со своим паспортом я идти не могла, так как у меня дома сидела засада и если бы меня задержали, то сейчас же доставили бы в Киев, а без паспорта идти тоже нельзя. Мне не хотелось глупо класть свою голову, это никому не нужно было. Я сказала Соболеву – Митя, Вы мне должны помочь и прежде всего материально. Я осталась без всего... Встретилась я с Соболевым. Он мне говорит – через три дня ты должна уйти со Сталинки, иначе я приму меры. Куда я могла уйти? Для того, чтобы я могла уйти мне нужно помочь, нужно подготовить мой уход. Я хочу уйти, сама предложила, что уйду, но мне нужна помощь. Соболев начал на меня кричать – ты нам не нужна, уходи куда хочешь, не мое это дело. Положение у меня было очень тяжелое. Этот разговор происходил при Печеневе. Печенев заметил Соболеву – нельзя так подходить, выходит, что мы использовали человека, а потом выбросили его. Она ни в чем не виновата, никого не провалила, никого не предала. Все-таки ей нужно помочь. Соболев налетел на Печенева – не твое дело мешаться и снова мне сказал – уходи, чтобы через три дня твоего духа тут не было... Я вышла на улицу и мне буквально некуда было идти. Я осталась на улице, а на улице можно быть только до 8 часов вечера. Мне было очень обидно. Кто должен был мне помочь в моем положении? Только наши товарищи. Я за собой никакой вины не чувствовала, была совершенно чистой и мне было обидно, что со мной так поступают» [15].

Несмотря на многочисленные примеры негативного поведения подпольщиков, нельзя сказать, что киевское подполье сплошь состояло из пьяниц, развратников, трусов и интриганов. Сам факт членства в нелегальной организации грозил каждому из подпольщиков материальными и моральными лишениями, пытками и смертью. А значит, каждый из них обладал определенной долей смелости и любви к Родине. Один и тот же человек в личных отношениях мог показывать себя не с лучшей стороны, но в борьбе с оккупантами часто проявлял положительные качества характера.

В архивных документах отложилось немало случаев стойкого и героического поведения подпольщиков в сложных ситуациях. В самом начале оккупации Киева на бульваре Шевченко за саботаж повесили трех молодых людей, работавших на территории кабельного завода. Перед смертью они сказали: «сегодня нас вешают, а завтра вас, мы погибам за родину». Один из этих парней при повешении сорвался. Его хотели еще раз повесить, но он так сильно ударил в живот палача, что тот на месте застрелил его [16].

Когда после предательства И. Кучеренко был арестован секретарь Сталинского райкома ЛКСМУ Г. Синицын, его товарищи пытались найти возможность его освобождения. Его

заместитель Александр Подвласов идет на смертельный риск. Он перекрывает воду в тюрьмы гестапо и, получив вызов на ремонт, обходит все камеры заключенных. Подвласов не нашел Синицына, но сделал все возможное, чтобы спасти его [17].

Проявляли мужество не только подпольщики, но те, кто им помогал. Так, когда гестаповцы арестовали члена диверсионной группы Г. Дудкина, он улучшил момент и сильным ударом в лицо сбил с ног одного гестаповца. Дудкин, воспользовавшись замешательством, забежал во двор, где была какая-то столовая. Он зашел в столовую и сказал: «Товарищи, я не бандит, я коммунист. Спасите меня». Какая-то женщина выпустила его через черный ход и он смог скрыться [18]. Восемь часов вели бой с гестаповцами в осажденной квартире подпольщики Кагановичского района В. Ананьев и М. Сорока. После полного расхода патронов они были арестованы 5 января 1943 г. и впоследствии расстреляны. А командир вооруженных отрядов горкома В. Чернышов в момент ареста бросился на гестаповцев с топором, ранил двоих из них, пытался бежать и был схвачен только после ранения в ногу [19]. А вот у Ивана Васильева, который 15 июня 1942 г. попал в засаду на явочной квартире Якименко, не было ни огнестрельного, ни холодного оружия. Тогда он разбил гестаповцу голову графином и убежал [20].

17 мая 1943 г. руководитель подпольной организации в депо Киев-Московский А. Тимошук при выходе из конспиративной квартиры, заметил, что к дому подъехал автомобиль с вооруженными гестаповцами. Тимошук бросился бежать, но они открыли по нему стрельбу и ранили подпольщика. Истекая кровью, Тимошук пережевывал во рту документы и, видя свое безвыходное положение, взорвал у себя на груди гранату [21].

Не желая переносить пытки, просил товарищей передать ему яд и секретарь подпольного Киевского горкома К. Ивкин. Он был ранен, оказав сопротивление при аресте, и находился в больнице под охраной гестапо. Товарищи достали Ивкину яд, однако передать его не успели [22]. До последнего отстреливался при аресте, а потом застрелился секретарь Молотовского подпольного райкома партии Н. Ухо [23].

По рассказам арестованной связной Галины Салан достойно себя вели в немецкой тюрьме и другие руководители подполья. Чернышов часто пел революционные песни, а А. Пироговский предложил ей свои ботинки со словами: «Мне все равно умирать, а тебе наверное в концлагере быть придется» [24]. Член подпольного горкома г. Киева Владимир Исидорович Кудряшов был арестован 2 июня 1942 года. Характеризовался как энергичный, смелый, волевой человек с большими организаторскими способностями, преданный Родине. Перед своей смертью он 17 июня 1942 г. тайком передал своим родителям письмо, которое характеризует Кудряшова как искреннего и стойкого коммуниста и антифашиста: «Здравствуйте дорогие родители. Меня ожидает смерть. Ее я не боюсь принять, но жаль, что смерть должна меня поразить через предательство «русского человека». Тот, кому доверяли сотни молодых... оказался предателем... Пусть это имя будет ненавистно Вам и всем тем, кому дорога родина. Имя его Кучеренко Иван. Предательством он думал приостановить дело, за которое мы боролись... Чудак, не станет нас, станут другие русские патриоты. Их много, и священное дело освобождения от ненавистного фашизма будет скоро торжествовать победу. Дорогие, я буду умирать честно... Передайте брату, сестре, сыну Саши и жене последнее прощание. Саше передайте, чтобы рос честным для народа, крепким, смелым. Чтобы врагов ненавидел также, как и его отец. Пусть будет здоров и счастлив. Мама зайди к Поле и передай ей большое спасибо от меня за то все, что она для меня сделала. Передай через Полю привет и успехи в жизни Броне Петрушко. О ней у меня приятное воспоминание... Если зайдет Шура, привет также. Очень хороший товарищ и друг, с которым пришлось много поработать на дело народа. Привет всем тем, кто с нами работал, помогал и жил мыслью освобождения в священной борьбе русского народа от ненавистного фашизма. Прощайте, целую Вас крепко Ваш сын, отец, брат и муж [25]».

В советской литературе стереотипный образ подпольщика практически всегда сопровождается героическим ореолом. Это человек, весь смысл жизни которого сводится к борьбе с врагами. У него почти нет слабостей, нет собственных интересов и личной жизни. Подпольщик-руководитель – мудр и авторитетен, а подчиненные – исполнительны и самоотверженны. Примерно такой образ антифашиста закрепился и в общественном сознании. Но даже сквозь время, историческую традицию и официоз документов становится заметным, что борцы с оккупантами, так же как и другие люди, любили, болели, боялись,

ошибались, ссорились. Их действия могли быть противоречивыми, а мотивы запутанными. В целом подпольщики были хотя и разными, но все-таки обычными людьми. Поэтому воссоздать универсальный образ типичного подпольщика не представляется возможным, однако, можно выделить несколько типовых среди подпольщиков.

Пожалуй, наиболее положительным примером героя-подпольщика был секретарь подпольного Железнодорожного райкома партии Александр Сидорович Пироговский. Доступные нам свидетельства о Пироговском характеризуют его как хорошего семьянина, преданного советского патриота и жертвенного подпольщика. Наряду с этим, Пироговский предстает в образе идеалиста-романтика, который в повседневной подпольной работе излишне доверялся людям, окружал себя персонами, далекими от его собственного идеализма, и не обладал необходимой для такого руководителя амбициями, волей и жесткостью. Хотя именно организацию Пироговского можно назвать наиболее успешной подпольной структурой в оккупированном Киеве, но и она, в конце концов, пережила предательство и провалы.

Исходя из воспоминаний жены Пироговского Надежды, в отличие от многих других подпольщиков, ее муж никогда не использовал свою руководящую позицию в личных целях и был искренним коммунистом: «Он был очень хороший человек, семьянин прекрасный, любил семью, заботливый, внимательный... еще когда парторгом на лесозаводе «1-го мая» работал [до избрания парторгом Пироговский был рабочим этого завода, а накануне войны стал его директором – Авт.], народ его очень любил за прямоту, правдивость и настойчивость. Помню, рабочие даже к нему на квартиру ходили и рассказывали свои нужды и он никогда не оставлял без внимания человека.

А при немцах так он весь отдался подпольной работе. За эти два года он не работал и жили мы только на то, что я зарабатывала, работая бухгалтером мясомолочного торгова. Мне очень, очень приходилось тяжело. Работала от 7-8 ч. утра до ночи. Денег не хватало. Мы всегда были голодны. Но нам изредка помогали товарищи.

Муж вынужден был идти работать, когда я заболела тифом. Больше двух месяцев я отлежала в постели. Работал он курьером на пивзаводе. Но вынужден был уйти оттуда, так как однажды, разнося бумаги, он встретился с бывшим секретарем комсомольской организации Чернышевым, который оказался фольксдойч и был полицаем...» [26].

Секретарь Железнодорожного подпольного райкома КП(б)У А. Пироговский 5 ноября 1943 г. за несколько часов до прихода Красной Армии был расстрелян гестапо. После освобождения столицы Украины Надежда Пироговская никак не могла найти могилу мужа. Не требуя почестей при жизни, А. Пироговский не получил их и после смерти: «У меня в последние месяцы столько горя, что я буквально голову потеряла. Умерла мать от сыпного тифа, был болен сын два месяца... В это время я никак не могла навестить могилы мужа. На днях как-то прихожу навестить в Пушкинский парк. Меня туда не пускают красноармейцы... направили к полковнику... Он мне сказал, что в парке организуется выставка и трупы, похороненных в парке... выкопаны и вывезены, куда, он не знает... Я ходила на Лукьяновское и Байковое кладбище, там сказали, что здесь нет. Но я страшно боялась, что его откопали и положили в братскую могилу. Такое предположение высказывал работник похоронного бюро. Это ужасно, что я теперь даже не знаю, где могила моего мужа» [27].

Один из ближайших соратников А. Пироговского по борьбе, второй секретарь Железнодорожного райкома Георгий Павлович Мироничев (кличка – «дед Мороз»), получил от инструктора оргинструкторского отдела Киевского горкома КП(б)У С. Чепижко, которая после освобождения Киева от оккупантов занималась проверкой деятельности киевского партийного подполья, отнюдь не лестную характеристику: «Анализируя деятельность каждого подпольного работника, о Мироничеве приходится сказать как о человеке недалеком. Он несерьезный в своих делах и поступках, не принципиальный, он может спорить до бесконечности по пустякам, упуская главное... больше заботится о собственном благополучии, чем о товарищах и работе. Складывается такое впечатление, что он серьезно отдавался торговле шапками на базаре и немного занимался подпольной деятельностью. Из разговора с Зайцевой Т., с которой жил Мироничев эти годы, установлено, что жили они хорошо, ни в чем не нуждались, имели возможность ежегодно устраивать пышные именины и елку своему сыну, приглашая гостей до 30 человек. В полной мере характеризует Мироничева как человека нескромного, аполитичного, тот факт, что он предъявил в партийные органы счет на

оплату зарплаты всем подпольным работникам и прежде всего себе за весь период оккупации за аренду хозяйкам конспиративных квартир в сумме 311.20 р. Мироничев в течение года после освобождения г. Киева нигде не работал (проживая неизвестно на какие средства) только потому, что он не хочет идти на рядовую хозяйственную работу, а претендует только на партийную руководящую работу» [28]. Бросается в глаза разница между почти нищетой руководителя подпольного райкома и неплохими материальными условиями жизни его подчиненного.

Весьма похожими на Мироничева были и жизненные принципы члена Железнодорожного райкома, а впоследствии секретаря Киевского подпольного горкома Брониславы Ивановны Петрушко. Она родилась в 1907 году, по национальности – полька, образование 7 классов, член ВКП(б) с 1932 года, до войны работала начальником конторы обслуживания пассажиров станции Киев-Пассажирский. Она обладала деловой хваткой, не терялась в сложных ситуациях, умела произвести впечатление и войти к доверие к нужным людям.

Характерно, что и Петрушко, и Мироничев характеризовали Пироговского «как человека слабенького, безвольного и безынициативного». Однако, это не помешало Мироничеву и Петрушко впоследствии приписать себе заслуги других подпольщиков, в том числе и «слабенького» Пироговского [29]. В первом варианте отчета о работе Железнодорожного подпольного райкома КП(б)У Мироничев о Пироговском вообще не упомянул [30].

А вот как их самих описывает С. Чепижко, проводившая партийную проверку их деятельности: «Анализируя деятельность Петрушко и Мироничева, нельзя не заметить какую-то чрезмерную легкость в поведении, в словах и делах. Просто исключительная несерьезность и безответственность. Мироничев дает задание взорвать Днепровский мост сначала Добрынину, затем Ильковскому, обещая награду, – орден Ленина и Героя, – не обеспечивая взрывчаткой, и потом, только потому, что Добрынин сообщил, что вода в Днепре стала холодная, соглашается, что мост можно и не взрывать; Колесникову... поручает одному взорвать железнодорожные пути в Боярке (не говоря, где именно, в связи с чем именно в Боярке), не обеспечивая взрывчаткой» [31].

После разгрома немцами подпольного горкома летом 1942 года Б. Петрушко встречается с двумя женщинами-связными от ЦК КП(б)У. Связные вернулись в Москву и доложили, что после провалов Б. Петрушко возглавила всю городскую подпольную организацию. Петрушко сознательно не устраивает встречи связных с работниками Железнодорожного подпольного райкома, а пишет доклад в ЦК КП(б)У, в котором создает видимость, что она теперь возглавляет подполье Киева.

В 1943 г. в Киев снова приходят связные ЦК КП(б)У с заданием найти А. Пироговского и передать ему указание возглавить всю подпольную деятельность в городе. Б. Петрушко снова не связывает связных с Пироговским. После того как связные ушли, Бронислава передает И. Мироничеву, члену бюро Железнодорожного подпольного райкома, о том, что ей «санкционировали» организовать новый горком партии. После этого в июле 1943 г. Б. Петрушко удается установить связь с партизанскими отрядами и получить от них полномочия на организацию горкома.

В конце июля 1943 г. представители ЦК КП(б)У вызвали Б. Петрушко в партизанское соединение И. Хитриченко, и в августе 1943 г. там отменяют прежние полномочия Б. Петрушко на руководство горкомом и передают через нее указания, чтобы Железнодорожный райком партии распространил свое влияние на все городское подполье. Петрушко или, как ее называли, «Оля» возвращается в Киев и не передает новые указания ЦК КП(б)У, а наоборот, сообщает Пироговскому и Мироничеву, что именно ей поручено создать новый горком и подпольные райкомы. С. Чепижко докладывает о результатах проверки деятельности Б. Петрушко следующее: «Пироговский – очень скромный и дисциплинированный коммунист, он дает санкцию на это Петрушко. Тогда Петрушко оформляет это решением бюро Ж. Д. райкома (8.VIII–43), где записано, что ей поручается создать горком... Она встречается с Рябошапко, Смагиным, Ячником, Малеванчуком и создает горком, причем Смагин и Малеванчук даже не были членами партии... Она не ввела проверенных достойных людей Зосенко, Ровинского, Синегуба, т. е. тех, кто действительно работал, но отказались иметь с ней знакомство и дело. В сентябре 1943 г. ... она выдвигает

лозунг вооруженного восстания, тогда как ей такого задания из ЦК КП(б)У не было дано. Действует она, устраивая многолюдные, частые совещания, расконспирирует всех... так как все являлись она одну общую явочную квартиру. Создает штаб по руководству вооруженными силами, в который попадают три агента гестапо Несвежинский, Костенко, Нестеров... Петрушко не совсем чистоплотна и в вопросах бытовых, – деньги получаемые от различных лиц (от Жюля 8 т., Ренской О. П. – 35 т. р., от Кононова А.А. – 100 литров спирта) расходовала на личные нужды [32].

Когда в октябре 1943 г. агент абвера пришел арестовать Петрушко, она оказала ему «упорное сопротивление»: «Ольга, когда вышла в коридор стала упорно сопротивляться, хватаясь руками за перила, кричала «помогите» и требовала... чтобы я ей разрешил взять с собой платок. На крики Ольги соседи выбежали в коридор... После этого Ольга снова отказывалась идти, я её предупредил, что если она не пойдет, я её застрелю на месте, намериваясь на неё пистолетом, однако и эти мои запугивания на неё не действовали, и она продолжала держаться руками за перила. В связи с тем, что я был один, и Ольга кричала «помогите», я считал, что в этом доме есть кто то, из таких лиц, которые могут оказать ей помощь. Имея намерение быстрее её вывести на улицу, я схватил Ольгу за пальто, начал её тянуть и поскольку она сопротивлялась, я оборвал ей рукав пальто. Физически Ольга была значительно слабее меня, сильно устала, и я её повел на улицу, однако Ольга продолжала оказывать сопротивление, хватаясь за перила. Когда я её вывел на улицу, Ольга схватилась за дерево, заявляя, что она не пойдет, но к этому времени ко мне подоспел «Студент», с которым мы взяли Ольгу под руки и повели на ул. Саксаганского. В пути Ольга заявила, что она устала и просила, чтобы ей предоставили возможность отдохнуть. Я и «Студент» подвели Ольгу к дому и освободили ей руки, в это время она стала бежать, мы её задержали и снова повели...» [33].

Об актерских способностях Петрушко говорят и обстоятельства ее побега из-под ареста в гестапо. Своим поведением она заслужила определенное доверие немцев, так как они еще не знали, что имеют дело с одной из ключевых фигур киевского подполья, и ослабила их бдительность. Ей поручили произвести уборку одного из помещений, и когда все ушли на завтрак 31 октября 1943 г., она выпрыгнула в форточку и убежала [34]. Такой побег был настолько невероятен, что в него долго не могли поверить некоторые подпольщики, а после освобождения Киева и сотрудники НКГБ.

Б. Петрушко укрывалась на квартире супругов Тамары Подлесной и Александра Кривца – надежных подпольщиков, живших неподалеку от здания «Абверштелле» на бульваре Шевченко. К вечеру следующего дня Александр Кривец вместе с двумя молодыми подпольщицами Леной Заниной и Валею Шубиной вывез Брониславу на «полutorке» в село под Васильков, где жили родители Георгия Шубина — руководителя подпольной организации киевского трамвайного управления [35]. А через неделю в Киев вошла Красная армия.

Наряду с героями-романтиками и меркантильными проходимцами в подпольной среде можно было встретить авантюристов и пижонов вроде Жоржа (Георгия) Левицкого. До войны Георгий Исаевич работал директором трамвайного треста в Кишиневе, состоял в партии. Жорж не любил уделять много внимания вопросам организационного строительства и конспирации, зато любил выпить, красивую жизнь и женщин. Любовница и связная Жоржа Татьяна Маркус обвиняла Б. Петрушко в том, что та «путается с Левицким» [36].

Такие люди, как Г. Левицкий, были незаменимы при проведении терактов, диверсий и вооруженных налетов. Именно поэтому Левицкий был введен в состав штаба диверсионно-подрывной деятельности при подпольном горкоме Киева. Один из подпольщиков описывал Жоржа таким образом: «Жорж Левицкий по натуре хвастун... Он являлся активным в разговорах, у него всегда были такие слова – я сделаю, я сообщу, доложу, на конкретного ничего не было. У него были разговоры – кому бы голову сорвать. Его сильно интересовала материальная сторона. Когда я ему дал возможность продать бочку каустика за 30 тысяч, то у него сразу появился новый костюм, новая шляпа, а курил он не махорку, а сигареты. Он много раз обещал познакомить меня с Ивкиным, но через него я ни с кем не познакомился, потому что, по моему, он сам ничего не знал. Причем Жоржа Левицкого я знаю по немецкой прессе, что он и еще четыре его товарища расстреляны за кражу и убийство композитора Ревуцкого» [37].

Еще один тип киевских подпольщиков – это люди, присоединившиеся к движению Сопротивления только с приближением Красной Армии. Как правило, такие люди вступали в

подпольные организации по конъюнктурным соображениям, не отличались активностью и преданностью.

Иван Иванович Костенко только в начале сентября 1943 г. был вовлечен в подполье членом бюро горкома Петром Рябошапкой. Уже 10 сентября по рекомендации Рябошапки его ввели в состав бюро Петровского подпольного райкома КП(б)У. А примерно 20 сентября 1943 г. решением подпольного горкома Костенко назначается начальником штаба вооруженных отрядов горкома. Не менее головокружительную карьеру сделал Абрам Зельманович Несвежинский (в документах также проходит под именем Нестеров Александр Зиновьевич). По рекомендации Костенко он был принят в сентябре 1943 г. в подпольную организацию. Не успев провести никакой работы против оккупантов и проявить себя в деле, уже в октябре 1943 г. решением бюро подпольного горкома КП(б)У он становится начальником боевого штаба вооруженных отрядов подпольного горкома. Вскоре за пьянство и несоблюдение конспирации Несвежинский с этой должности был снят. Но вместо того, чтобы полностью отстранить Несвежинского от руководства, горком назначил его начальником разведки своих вооруженных отрядов [38].

Такая кадровая политика имела самые печальные последствия. Будучи арестован 29 октября 1943 г., Несвежинский заявил агенту абвера, что вступил в подпольную организацию не идейно, а чтобы оправдаться перед советской властью. Далее он сам предложил выдать оставшихся на свободе соратников и принять его на работу в абвер [39].

Несмотря на хаос военного времени, жизненный путь И. Костенко и А. Несвежинского складывался удивительно синхронно. Каждый из них занимал должность начальника штаба полка Красной Армии. Оба попали в окружение и плен в Уманском котле. После освобождения из плена вместе стали заниматься спекуляцией в оккупированном Киеве. Почти одновременно они становятся членами подпольной организации, занимают руководящие должности в киевском горкоме. Оба были арестованы немцами, стали предателями и вместе на очных ставках изобличали несознававшихся подпольщиков. После войны оба друга получили от советской власти по 10 лет лишения свободы [40].

Заключение. История киевского подполья – это одновременно подвиг и трагедия его участников. Укоренившийся в массовом сознании стереотип о героях-подпольщиках, которые только и думают, что о борьбе с фашистами и преодолевая все трудности постоянно проявляют мудрость и героизм, сплоченность и самопожертвование, несколько тускнеет в свете архивных документов. Жизненный путь подпольщиков, информация о которых сохранилась в источниках, дает нам основание сделать вывод, что их действия и личные качества не вполне отвечают романтическому образу, созданному советской пропагандой. Это были люди со своими достоинствами и недостатками, которые могли сочетать в себе как поступки, требующие осуждения, так и примеры, достойные подражания. В протоколах, стенограммах, донесениях, отчетах, справках и письмах просматриваются живые люди со своими характерами, сложными взаимоотношениями, меркантильными интересами, личным соперничеством и амбициями, некомпетентностью, безалаберностью, пьянством и аморальным образом жизни. И часто именно человеческий фактор, личный, а не общий интерес, были определяющими в подборе людей, планировании работы, принятии решений и самой судьбе подпольных организаций. Тем не менее, рядом с этим шли и беспримерная вера в победу над врагом, и дерзкие операции, и героизм, и самопожертвование. Подвиг подпольщиков становится еще более очевидным, когда читаешь о тяжелейших бытовых условиях жизни в оккупации, о трудностях в материальном обеспечении подпольной работы, о сложных судьбах и характерах участников подполья. И тогда приходит понимание, что главный пример героизма антифашистов заключался не только в том, чтобы умереть как настоящий герой, но и в том, чтобы каждый день героически жить и бороться в подполье.

Примечания:

1. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 22. Д. 373. Л. 245.
2. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 119.
3. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 369. Л. 61.
4. Государственный архив Киевской области (далее – ГАКО). Ф. П-792. Оп. 1. Д. 191. Л. 8.
5. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 6.

6. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 97.
7. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 128.
8. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 52.
9. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 89-93.
10. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 349. Л. 45-47.
11. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 349. Л. 87.
12. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 351. Л. 100-108.
13. ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 36466 ФП. Л. 127.
14. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 23.
15. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 55-57.
16. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 91.
17. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 266. Л. 27.
18. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 14. Л. 31.
19. Государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ГА СБУ). Ф. 5. Д. 58897. Л. 100.
20. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 282. Л. 18.
21. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 193. Л. 91.
22. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 363. Л. 146.
23. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 353. Л. 117.
24. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 49.
25. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 4-5.
26. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 94.
27. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 135. Л. 93.
28. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 22-23.
29. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 21.
30. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 367. Л. 91.
31. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 20.
32. ГАКО. Ф. П-4. Оп. 2. Д. 84. Л. 25-27.
33. ГА СБУ. Ф. 5. Д. 58897. Л. 95.
34. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 368. Л. 39.
35. Евсеев С. Подпольный горком собрался в Киеве // День (г. Киев). 1998. 6 ноября.
36. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 368. Л. 101, 123.
37. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 368. Л. 110.
38. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 129-130.
39. ГА СБУ. Ф. 5. Д. 58897. Л. 103.
40. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 11. Л. 112.

УДК 93

Внутренняя жизнь киевских подпольщиков (1941-1943 гг.)

Слободянюк Николай Анатольевич

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта, Украина
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: nikslobo@gmail.com

Аннотация. В статье на основе уже известных и впервые опубликованных архивных источников рассматривается внутренняя жизнь советских подпольщиков города Киева. Особое внимание уделяется повседневности подпольщиков, их личным взаимоотношениям, моральному климату внутри разных групп и подполья в целом, условиям борьбы против оккупантов, судьбе отдельных участников и организаций.

Ключевые слова: Киев; оккупация; подполье; движение Сопротивления.